

Ольга
Фили

Ана
Тайр

После
РАЗВОДА
счёт за предательство

Ольга Риви

**После развода. Счёт
за предательство**

«Автор»

2026

Риви О.

После развода. Счёт за предательство / О. Риви — «Автор», 2026

На роскошной яхте Тимур Громов собирается объявить гостям пол будущего ребёнка. Рядом с ним юная любовница, а в центре внимания торт, приготовленный лучшим кондитером города. Только Тимур ещё не знает, что этот кондитер — его жена. Василиса Громова двадцать лет была удобной: идеальной супругой, надёжным тылом и женщиной, которая отказалась от мечты ради ресторанной империи мужа. Но когда вместо командировки в Казань она находит Тимура на палубе, с рукой на беременном животе любовницы, боль быстро превращается в холодную ярость. Он ждёт истерики, скандала и слёз. А получает безупречный срез трёхъярусного торта, кислотно-синий бисквит и кусок десерта, припечатанный к дорогому итальянскому пиджаку. Завтра Василиса подаст на развод. Сегодня она уходит из чужой жизни — с ножом шефа, прямой спиной и фразой, после которой гости ещё долго будут вспоминать этот праздник: — Улыбайся, гад! У вас будет мальчик.

© Риви О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Риви, Лиа Таур

Развод. Счёт за предательство

Глава 1

Пирс казался бесконечным. Жара под тридцать градусов, на небе ни единого облачка. И я, Василиса Громова, шагающая по раскалённым доскам в чёрных лодочках. В руках я несла коробку, в которой покоился пятикилограммовый шедевр кондитерского искусства. Мой счастливый билет в нормальную жизнь. От этого торта зависело выживание моего крошечного, тайного от мужа бизнеса. Аренда кухни горела синим пламенем, поставщики звонили каждый час, а этот жирный VIP-заказ на гендер-пати должен был заткнуть все финансовые дыры.

Коробка безжалостно оттягивала руки. Мышцы ныли так, будто я всю ночь разгружала вагоны с мукой. Собственно, я и не спала двое суток. Колдовала над идеальным балансом вкусов. Выстраивала скрытые опоры внутри бисквита, чтобы он, не дай бог, не просел под тяжестью декора из бельгийского шоколада. В голове даже мелькнула шальная мысль: а что, если бросить всё это в воду и пойти ко дну вместе с коробкой? Хоть выплусь, но я упрямо шагала вперёд.

Впереди белела огромная трёхпалубная яхта. Из динамиков орала модная попса, и от басов вибрировали доски под ногами. В воздухе стоял удушливый зной от солнца, морской соли и чужих понтов. Это был праздник жизни, куда я пришла просто как обслуживающий персонал.

Я остановилась на секунду. Дыхание сбилось, я вытерла каплю пота со лба тыльной стороной ладони. Главное – не запачкать белоснежный поварской китель. Я в нём и так выглядела как врач скорой кондитерской помощи, но всё же.

– Эй, женщина! Ну что вы там застряли? – крикнул с палубы какой-то пацан в мятой льняной рубашке. – Несите быстрее, заказчики ждут!

Я мысленно пожелала ему подавиться оливкой, сцепила зубы и преодолела последние десять шагов по трапу.

На палубе творился филиал глянцевого журнала. Девушки с губами уточкой в летящих платьях. Мужчины в брендовых поло, с умным видом потягивающие коктейли. Повсюду висели дурацкие воздушные шары пастельных тонов.

Я подошла к центру площадки и поставила тяжеленную коробку на специальный столик. Пальцы мелко дрожали от перенапряжения. Всё. Выдохнула. Осталось только разрезать эту сахарную бомбу.

– Минуточку внимания, друзья! – раздался в микрофон голос.

До боли знакомый голос.

Я замерла. Сердце сначала остановилось, а потом грохнулось куда-то в район желудка.

Я медленно, очень медленно подняла голову.

В центре палубы стоял мой законный муж, Тимур. Тот самый человек, который сегодня в семь утра звонил мне из ванной и жаловался на мерзкий дождь в Казани. Он клялся, что улетел туда открывать новый ресторан.

Погода в его «Казани» явно наладилась.

Сейчас Тимур выглядел до неприличия великолепно. Идеально сидящий итальянский пиджак небесного цвета, фирменная белоснежная улыбка на миллион, свежий загар. Одной рукой он вальяжно держал микрофон. А другой нежно, по-хозяйски поглаживал округлый живот стоящей рядом блондинки.

Блондинка активно хлопала наращёнными ресницами и смущённо хихикала. Это была Алина. Я прекрасно её знала, ведь эта силиконовая фея приходила к нам домой пару раз. Тимур представлял её как «очень перспективного менеджера по пиару». Что ж, пиарила она исключительно моего мужа. И, судя по её животу, делала это крайне старательно.

Шум в ушах мгновенно заглушил музыку. Воздух стал густым, как заварной крем. Мой мир поехал в пропасть.

Я пялилась на них. Мой муж, его любовница, её беременный живот и мой торт. Торт, который я, его законная жена, пекла всю грёбаную ночь, чтобы эти двое узнали пол своего бастарда.

Ситуация была настолько абсурдной, что мне захотелось истерично заржать. Сорок два года, двадцать лет брака и двое взрослых детей-близнецов. Всю жизнь я была для него идеальным тылом. Женой, которая засунула свои амбиции шеф-повара куда подальше, чтобы он строил свою ресторанный империю. Я была удобной Васей. А удобных, как известно, не любят, ими пользуются. А у этого гада открылось второе дыхание, судя по тому, что я вижу.

– Ну же, где наш хваленый кондитер? – крикнул кто-то из толпы подвыпивших гостей. – Давайте уже резать!

Тимур с дежурной улыбкой повернул голову к столу. Его скользкий взгляд уткнулся в мой поварской китель. Потом медленно поднялся к моему лицу. И замер.

Улыбка сползла с его холёного лица так быстро, словно её смыло кислотой. Он побледнел до цвета дешёвой туалетной бумаги. Его челюсть слегка отвисла. Он смотрел на меня, и в его глазах плескался первобытный ужас.

Толпа вокруг начала затихать. Люди – существа чуткие, они моментально уловили запах жареного. Гости переводили недоумённые взгляды с побелевшего Тимура на меня.

Алина непонимающе заморгала своими накладными опалами.

– Тимурчик? – пискнула она голосом мыши, которой прищемили хвост. – Что-то случилось, зай?

Я физически видела, как в голове моего благоверного со скрипом крутятся заржавевшие шестерёнки. Он ждал ядерного взрыва и, что сейчас обманутая жена начнёт визжать дурниной. Что я брошусь на него с кулаками, вцеплюсь в волосы его малолетки и начну крушить бокалы. Он уже сгруппировался, готовый выставить меня поехавшей истеричкой перед своими богатыми друзьями.

Но он забыл одну деталь. Я – профессиональный шеф, а на кухне во время запары истерики не спасают. Они убивают.

Холодная ярость затопила моё сознание. Она вытеснила боль, шок и желание сдохнуть на месте. Мои руки перестали дрожать, но я взяла себя в руки и медленно расправила плечи, чувствуя, как по венам вместо крови потёк жидкий азот.

– Добрый день, дамы и господа, – мой голос прозвучал ровно, громко и даже бодро, разрезая мёртвую тишину.

Я спокойно потянулась к поясу. Щёлкнула застёжкой чехла и достала свой рабочий шеф-нож. Тридцать сантиметров смертоносной заточки хищно блеснули на солнце.

Кто-то из девиц в первом ряду громко икнул и попятился назад. Тимур судорожно сглотнул, кадык на его шее дёрнулся, глаза приклеились к лезвию ножа.

– Прошу прощения за небольшую задержку, – я улыбнулась самой вежливой корпоративной улыбкой. – Конструкция торта весьма деликатна, требует твёрдой руки.

Я элегантно сняла верхнюю часть коробки. Трёхъярусный торт, покрытый безупречным шоколадным велюром, предстал перед затаившей дыхание публикой. Он был прекрасен, в отличие от моего брака и лица моего мужа, который ждал, что я сейчас взорвусь или начну резать не торт.

Я подошла к своему творению и встала в правильную стойку, перенесла вес на левую ногу. Одно точное, уверенное движение ножом. Сверху вниз. До самого основания. Ни единой лишней крошки. Идеальный срез, как по учебнику.

Я подцепила кусок широкой металлической лопаткой и повернулась к счастливым родителям.

Внутри бисквит был кислотно-синим.

Толпа дружно ахнула, а Алина, ничего не понимая в повисшей атмосфере ужаса, радостно взвизгнула и захлопала в ладоши.

– Мальчик! Господи, Тимурчик, у нас будет мальчик!

Я шагнула прямо к мужу. Он инстинктивно вжался в палубу, попытался отступить, но сзади его подпирала беременная пассия. Бежать было некуда.

– Поздравляю с наследником, Тимур, – произнесла я с интонацией банковского клерка. – Цвет бисквита получился просто отменным. Знаешь, таким же идеальным, как и твоя сказочная легенда про срочную командировку в Казань.

Гости вокруг начали громко перешёптываться. До них, наконец, дошёл весь комизм ситуации. Кто-то на заднем ряду даже хрюкнул со смеху.

– Вася... – хрипло, словно проглотив жабу, выдавил муж. – Васечка, ты всё не так поняла. Это... Это ошибка. Давай мы сейчас тихонько отойдём и всё обсудим.

– Мы обязательно всё обсудим, милый, – я сделала эффектную паузу, с наслаждением наблюдая, как красные пятна позора расплзаются по его щекам. – Но исключительно через моего адвоката. Завтра же я подаю на развод. Мои вещи исчезнут из твоего дома до вечера. И, кстати...

Я опустила взгляд на кусок торта, балансирующий на моей лопатке. Синий, пористый бисквит. Щедро пропитанный сиропом из маракуйи.

– ...в высокой кулинарии есть одно золотое правило. Десерт лучше всего подавать свежим.

Быстрым, отработанным до автоматизма движением кисти – словно нанося финальный мазок густой глазури на эклер, я с силой припечатала кусок торта прямо по его дорожному пиджаку.

Раздался сочный, влажный звук. Шмяк.

Синий жирный крем живописно взорвался на итальянской шерсти. Он пополз вниз, оставляя грязный, липкий след на белоснежной рубашке от Армани. Тяжёлый кусок пропитанного бисквита отвалился и с чавканьем приземлился точно на начищенные ботинки Тимура.

Алина истошно заголосила, прикрывая руками лицо. Толпа дружно выдохнула.

Я с невозмутимым видом аккуратно вытерла испачканную лопатку о бумажную салфетку. Положила её на стол. И с тихим щелчком убрала шеф-нож обратно в кожаный чехол на поясе.

– Приятного аппетита, – бросила я, глядя на его перепачканное, жалкое лицо.

Тимур даже не дёрнулся, он медленно повернул голову к своей пассии, и с прищуром в глазах спросил.

– Алиночка, солнышко, – стиснув зубы процедил Тимур. – А ты где кондитера нашла?

Алиночка быстро пришла в себя и радостно заморгала, будто бы и не было никакого расстройства и шока. Конечно, были бы мозги, была и реакция нормальная.

– Ой, котик, мне её Светка посоветовала, – быстро затараторила Алина. – Но я так подумала, раз у нас праздник, то пусть торт нам сам шеф подаёт. Правда здорово? Мой котик может всех купить! – победоносно выдала Алина.

– Здорово, очень здорово, – прошипел Тимур. – Дура!

Алина непонимающе уставилась на своего котика, а я решила, что увидела достаточно, и боюсь, что не переживу следующих «цирковых номеров» котика. Развернувшись на каблуках своих адских туфель, я пошла обратно к трапу. Моя спина была прямой, как стальной прут.

Подбородок вздёрнут так высоко, что едва не сводило шею. Я чеканила шаг сквозь расступающуюся толпу гостей и чувствовала на себе десятки потрясённых, жадных до сплетен взглядов.

Внешне я была ледяной королевой, но внутри меня всё ходило ходуном. Желудок скрутило тугим, болезненным узлом. К горлу подкатил ком, а в глазах предательски зашипало от непролитых слёз. Двадцать лет. Двадцать долгих лет моей жизни он просто спустил в унитаз ради этой накачанной гиалуроном куклы.

Но я не доставлю ему удовольствия. Он не увидит моих слёз, только не здесь и точно не сейчас.

Я спустилась по трапу и ступила на твёрдые доски пирса. Дышать стало чуточку легче, кислород наконец-то начал поступать в мозг. Надо просто дойти до моей старенькой машины. Запрыгнуть в салон, заблокировать двери, и вот там, в полной безопасности, можно будет выть от боли и размазывать тушь по щекам.

Но моему плану не суждено было сбыться. За спиной, на палубе яхты, внезапно раздались крики. Первоначальный шок прошёл и уязвлённое, раздутое эго Тимура взяло верх над остатками его здравого смысла. Такого публичного унижения перед своими богатенькими инвесторами он простить не мог.

– Держите её! – сорвался на пороссячий визг голос моего пока ещё мужа. – Охрана! Немедленно верните эту сумасшедшую сюда!

Глава 2

Два охранника неслись по пирсу и я не стала дожидаться, пока они проверят на мне свои навыки захвата. Скинула проклятые туфли, подхватила их в руку и рванула босиком по раскалённым доскам. Дерево жгло пятки, но адреналин работал лучше любого обезболивающего.

Мой старенький рабочий «Рено» стоял на служебной парковке. Я запрыгнула в пыльный салон, изо всей силы хлопнула дверью и ударила по кнопке блокировки ровно за секунду до того, как кулак секьюрити врезался в стекло. Завела мотор. Машина жалобно чихнула, но всё-таки с визгом шин вылетела за шлагбаум.

Вцепившись побелевшими пальцами в руль, я гнала машину подальше от этого праздника жизни. По пути мне попалась неприметная парковка и я решила, что нужно прийти в себя, пока не случилось беда. Остановив машину, я сделала один глубокий вдох и выдох. И ещё раз. А потом меня просто разорвало.

То, что я так старательно сдерживала всё это время, вырвалось наружу. Горячие слёзы брызнули из глаз, моментально смывая тушь и обжигая щёки.

– Сука... Какая же ты сука, Тимур! – заорала я в пустоту салона, со всей дури ударив кулаками по рулю. Машина жалобно бибикнула, но мне было плевать. – Ублюдок! Ненавижу! Тварь!

Двадцать лет. Двадцать, мать их, лет! Я облокотилась на руль и зарыдала в голос, размазывая грязь по лицу. Вся моя жизнь оказалась одним большим враньём.

Я же помню всё, с самого начала. Нашу первую съёмную однушку на окраине, где зимой сквозило из всех щелей, и мы спали под двумя одеялами. Как мы ели самые дешёвые пустые макароны по акции. Как я по ночам месила тесто для его первой микро-кофейни, обжигая руки о старую, убитую духовку. Я годами ходила в одних и тех же заштопанных джинсах, сэкономила на всём, только чтобы этот урод купил себе нормальную итальянскую кофемашину!

Я верила ему, я была его грёбаным надёжным тылом!

А он? Он не просто завёл интрижку, он завёл себе вторую семью. Малолетнюю силиконовую подстилку, у которой губы размером с мой кондитерский мешок. И она беременна.

– Сюрприз, блин! Гендер-пати! – меня начало истерично трясти от смеха, переходящего в рыдания. – Каким же конченным придурком нужно быть, чтобы оплатить этот цирк для любовницы из наших общих денег? А меня, законную жену, заставить для этой эскортницы торт печь!

Синий бисквит. Наследник у них, значит.

Я вспомнила, как разрезала этот проклятый торт перед гостями. Наследник империи, которую мы строили вместе. Только вот империя теперь его, а я – прислуга.

– Чтоб ты подавился этим тортом, козёл! – выплонула я и подняла голову, посмотрев в зеркало заднего вида.

Господи Боже. Из зеркала на меня смотрело чучело. Красные, опухшие глаза, чёрные потёки туши до самого подбородка, и растрёпанные волосы висят сосульками. А белый поварской китель помят и измазан синим кремом. Идеальная униформа для дуры года.

И тут сквозь истерику пробился страх. Я же в полной заднице. У меня ни копейки за душой.

Все наши банковские счета, загородный дом, квартиры, все рестораны, всё до последней вилки записано на Тимура или его подставные ООО. Я по бумажкам просто жена, пустое место.

А мой тайный бизнес, который я начала тайком от мужа, сейчас болтается на грани банкротства.

– Чем я буду платить? – прошептала я, в панике схватившись за голову. – Аренда кухни просрочена на неделю. Поставщики бельгийского шоколада звонят каждый день, грозятся в суд подать.

Тот огромный VIP-заказ, который должен был вытащить меня из долговой ямы, я сегодня феерично провалила. Точнее, размазала его по дорогому пиджаку от Армани. За такое мне точно никто не заплатит.

А Тимур... Я слишком хорошо знаю своего мужа. Он самовлюблённый нарцисс. Публичное унижение – это единственное, чего он никогда никому не прощает. А сегодня я при всех макнула его мордой в его собственную грязь. Прямо перед самыми важными инвесторами.

Он будет мстить, изощрённо и с кайфом.

Завтра же утром он заблокирует все мои карты. Пришлёт охрану и вышвырнет меня из нашего дома с одним чемоданом. Натравит своих карманных адвокатов, и те сотрут меня в порошок, оставив с многомиллионными долгами. Он перекроет мне кислород во всех заведениях города и больше никто не возьмёт меня на работу. Он умеет ломать людей, это у него получалось хорошо.

Желудок предательски сжался, меня замутило от ужаса.

– Что мне делать? Мне сорок два года... Я умею темперировать шоколад и делать идеальную карамель. Я не умею воевать с акулами бизнеса! – заскулила я, снова утыкаясь лбом в руль.

Я закрыла глаза, пытаюсь просто дышать. И вдруг перед внутренним взором чётко всплыло лицо мужа. Там, на палубе, когда он стоял передо мной, перепачканный синим кремом. И его взгляд.

Стоп.

Слёзы резко высохли. Я открыла глаза, а дыхание выровнялось.

Он меня боялся. В ту самую секунду на яхте этот всемогущий ресторатор и хозяин жизни боялся обычную бабу с кондитерским шпателем!

Потому что он привык к покорной жене, которая молчит, улыбается и делает так, как он скажет.

Но покорная Вася умерла полчаса назад на том деревянном пирсе.

Я полезла в бардачок. Вытащила пачку самых дешёвых влажных салфеток и начала зло, с остервенением оттирать лицо от косметики. Кожу защипало, я тёрла так, что на щеках остались красные пятна. Но когда я снова посмотрела в зеркало, взгляд у меня был уже другой. Злой и осмысленный.

Денег нет. Дома, считай, тоже нет, а впереди грязная бойня с влиятельным мудаком.

– Отличные вводные данные, – хрипло усмехнулась я.

Я вставила ключ в замок зажигания и повернула. Я сразу врубила кондиционер на полную мощность, подставляя лицо под струю холодного воздуха.

Я вжала педаль сцепления, дёрнула ручку коробки передач и вырулила с обочины на дорогу.

Пора искать адвоката, причём такого же циничного, злого и беспринципного ублюдка, как мой пока ещё муж. Потому что в драке с крысами благородные рыцаридохнут первыми. Тут нужна хищная, голодная тварь.

– Ничего, Тимурчик, – процедила я сквозь зубы, крепче сжимая руль. – Счёт за твоё предательство уже выписан. И поверь, он будет с очень, очень большими чаевыми.

* * *

Ночевала я в подсобке своей тайной кухни. Спать на пятидесятикилограммовом мешке с сахаром было то ещё удовольствие. Может, кому-то это и сулит сладкие сны, но в сорок два года это гарантирует только радикулит. Зато здесь никто не задаёт лишних вопросов и не читает нотаций о том, как нужно сохранять брак.

Утром я проснулась не от будильника, а от ломоты во всём теле. Нужно привести себя в порядок и хотя бы выпить кофе. Я доковыляла до ближайшей кофейни. Взяла двойной эспрессо и приложила телефон к терминалу.

– Отказ, – равнодушно пискнул аппарат.

Я нахмурилась, достала пластиковую карту и вставила чипом.

– Недостаточно средств, – вздохнул бариста, парень лет двадцати, с зелёными волосами и татуировкой кофейного зерна на шее. Он посмотрел на меня с искренним сочувствием.

В кармане завибрировал телефон. Экран высветил новое сообщение от контакта «Тимур».

«Доброе утро, дорогая. Карты заблокированы. Счета заморожены. Без моих денег ты никто, Вася. Жду извинений перед Алиной. Желательно публичных. Тогда, возможно, я куплю тебе продуктов».

Я дважды перечитала текст. Купит продуктов. Надо же, какой щедрый. Я смотрела на экран, а бариста смотрел на меня.

– Женщина, отменять заказ? – тихо спросил он, видимо, ожидая, что я сейчас разрыдаюсь прямо на кассе.

Я порылась в кармане поварского кителя. Нашла смятую тысячную купюру и расплатилась, сунула сдачу в банку для чаевых, забрала стаканчик и вышла на улицу.

Я сделала глоток обжигающего кофе и улыбнулась.

Тимур думал, что ударил под дых. Он был уверен, что я сейчас сяду на бордюр, поплачу, а потом приползу на коленях просить прощения у его малолетней любовницы. Ведь я была удобной. Домашней женой, которая пекла пироги и спрашивала разрешения купить новые туфли.

Он просто забыл, с кем живёт. Идиот.

Я вернулась на кухню. Закрыла дверь и отодвинула тяжёлую полку с формами для выпечки. За ней в стене прятался неприметный металлический люк. Мой тайный сейф.

Я набрала код, дверца тихо щёлкнула. Внутри лежали пухлые конверты. Моя «подушка безопасности». Тимур считал мой кулинарный блог милым хобби скучающей домохозяйки. Он не знал, что он хоть иногда приносил доход.

Я вытащила деньги и разложила на нержавеющей столе. Пачки пяти тысячных купюр приятно холодили пальцы.

Я взяла блокнот и начала калькуляцию. Аренда кухни – отложена. Зарплата моим двум помощникам – есть. Закупка продуктов на неделю вперёд – покрыта. На жизнь и бензин остаётся вполне приличная сумма. Плюс скрытый счёт в банке, о котором мой благоверный даже не догадывается. Долги не покроет, но на первое время хватит.

Я пересчитывала бумажки, и с каждой тысячей паника уходила. На её место вставала уверенность. У меня нет мужа, зато у меня есть независимость. Финансовое дно, на которое Тимур попытался меня бросить, оказалось прочным фундаментом.

Я аккуратно убрала деньги в рюкзак, пора было навестить дом.

Мой ключ подошёл идеально. Тимур был слишком ленив, чтобы менять замки в шесть утра. В огромном загородном доме стояла тишина. Хозяин, видимо, зализывал раны и отмывал костюм от синего крема у своей беременной музы.

Я прошла на кухню, достала все необходимые продукты и лепила сырники на завтрак, детям. Обычные, домашние сырники, которые готовила тысячу раз.

Запах жареного сливочного масла поплыл по этажам.

Через двадцать минут на лестнице послышались шаги. На кухню ввалились мои девятнадцатилетние близнецы. Заспанные, лохматые, в одинаковых безразмерных футболках.

– Мам, ты чего так рано? – пробормотал Егор, плюхаясь на барный стул и протирая глаза. – И почему ты в рабочем кителе?

Соня принялась и стянула горячий сырник прямо со сковородки. Обожгла пальцы, зашипела, подула на них, но откусила половину.

– Вкуснотища, – промычала она с набитым ртом. – А где отец? Он же вроде из Казани должен был прилететь.

Я выключила плиту. Вытерла руки полотенцем и посмотрела на своих детей. Они были взрослыми. Умными. И, слава богу, моими.

– Ваш отец никуда не летал, – спокойно сказала я. Налила им чай. – Он был здесь, на яхте. Праздновал гендер-пати со своей любовницей Алиной. У них будет мальчик.

Егор замер с вилкой у рта, а Соня поперхнулась чаем.

На кухне стало тихо. Только холодильник мерно гудел. Я ждала вопросов, шока или слёз. Всё-таки это их отец.

Егор медленно положил вилку. Посмотрел на сестру, а потом на меня.

– Это та силиконовая швабра, которая пиарщица? – уточнил он деловым тоном.

– Она самая.

Егор кивнул. Взял нож и методично разрезал сырник на ровные квадраты.

– Давно пора, мам. Она же тупая как пробка. Я с ней пару раз разговаривал на корпоративе, там эхо в голове гуляет. И ты готовишь лучше.

Соня схватила телефон. Её пальцы уже летали по экрану с пулемётной скоростью.

– Так, я могу уничтожить его репутацию в соцсетях за сорок минут, – заявила дочь, не отрывая взгляда от дисплея. – Сольём фотки с Алиной в светские паблики. Напишем, что он обанкротился и не платит налоги. Это обрушит акции его ресторанов. Мам, дай отмашку, я устрою им цифровой ад.

Я смотрела на них и чувствовала, как тёплая волна смывает остатки ночного холода. Мои дети. Прагматик и акула пиара. Они не стали жалеть отца и не стали устраивать драму, а просто заняли круговую оборону.

– Отставить соцсети, – я мягко забрала у дочери телефон. – Никаких скандалов и истерик в интернете. Мы сделаем всё по закону и красиво. Я подаю на развод, жить пока буду в городе, сниму квартиру.

– Мы с тобой, – хором ответили близнецы.

– Вы остаётесь здесь, – отрезала я. – Это ваш дом. Учитесь, живите. Пользуйтесь его деньгами. Не дайте ему повода манипулировать вами.

Я допила свой остывший чай, и тепло разлилось по телу. Якорь брошен земля под ногами снова стала твёрдой.

Оставив детей завтракать, я поднялась в спальню. Достала старый чемодан и бросила туда только самое необходимое. Джинсы, футболки, ноутбук, никаких платьев, которые покупал Тимур. Никаких украшений с бриллиантами, пусть подавится.

Закрывая ящик стола, я заметила визитницу. Пальцы сами потянулись к ней.

Тимур любил хвастаться своими победами, но однажды он крупно проиграл. Это был суд за хлебное место под ресторан в центре города. Тогда его конкурента защищал один адвокат. Тимур пил неделю и орал на весь дом, что этот юрист настоящий дьявол во плоти, беспринципная тварь и психопат, который не знает пощады.

Я перелистала пластиковые кармашки и нашла.

«Глеб Садальский. Семейное и корпоративное право».

Я провела пальцем по выпуклым буквам.

Мой муж объявил мне войну. Он привык давить слабых и, что все играют по его правилам. И чтобы размазать его по стенке, мне не хватит идеальных тортов и поддержки детей.

Мне нужен циничный хищник, голодный до чужой крови. Тот, кто с удовольствием перегрызёт Тимуру горло и даже не поперхнётся.

Я сунула визитку в карман джинсов и застегнула чемодан.

– Алло, приёмная Сададьского, – раздался в трубке скучающий женский голос, когда я вышла на крыльцо дома.

– Добрый день. Мне срочно нужна консультация Глеба Викторовича.

– Глеб Викторович не берёт новых клиентов, – заученно ответила секретарь, щёлкая жвачкой. – У него запись на полгода вперёд. До свидания.

– Передайте ему, что звонит Василиса Громова. Жена Тимура Громова.

В трубке повисла короткая пауза, было слышно, как секретарь перестала жевать.

– Глеб Викторович примет вас сегодня в девятнадцать ноль-ноль, – голос девушки стал подозрительно бодрым и вежливым. – Не опаздывайте. Он ненавидит ждать.

Я сбросила вызов. Закинула чемодан в багажник своего старенького «Рено» и хлопнула дверцей.

Я тоже ненавижу ждать, подумала я, выруливая на трассу. Развод – это блюдо, которое подают холодным. И я собираюсь приготовить его идеально.

Глава 3

Ровно в девятнадцать ноль-ноль я стояла перед дверью. Офис Глеба Сададьского находился на последнем этаже стеклянного бизнес-центра. Никакого кричащего золота и показной роскоши. Тёмно-серые стены, приглушённый свет, а за панорамными окнами нудно моросил мелкий дождь. Погода идеально подходила для того, чтобы рушить чужие жизни. Ну, или хотя бы одну конкретную, жизнь моего пока ещё мужа.

В руках я сжимала небольшую чёрную коробку. Моё единственное оружие и спасательный круг. Пока я колдовала над её содержимым на своей тайной кухне, паника наконец-то отступила. Я конечно не надеялась, что содержимое коробочки растопит лёд грозного юриста, но кулинария возвращала мне контроль над реальностью, которая сутки назад разлетелась вдребезги на палубе дорогой яхты.

Секретарша в строгой юбке-карандаш, смерила меня абсолютно пустым взглядом. Наверное, она тут насмотрелась на рыдающих жён олигархов на десять лет вперёд.

– Проходите, – сухо бросила она и кивнула на дверь.

Я шагнула внутрь. Кабинет тонул в полумраке, а за столом, заваленным папками, сидел человек.

Глеб Сададьский. Гроза бракоразводных процессов и адвокат, который вытрясал из людей души и миллионы.

Он выглядел так, словно не спал минимум неделю. Тёмно-синий костюм немного помялся, галстук безнадёжно ослаблен, верхняя пуговица рубашки расстёгнута, а под его глазами залегли такие.

Сададьский даже не поднял головы. Он продолжал что-то быстро чиркать ручкой в документах.

– У вас ровно пять минут, Василиса... – он скосил глаза на жёлтый стикер. – Громова. Садитесь, излагайте суть, и давайте без слёз и соплей, они не помогают делу, как правило.

Я молча опустила в кожаное кресло. Коробку поставила на колени. Сердце бешено колотилось, но голос звучал на удивление ровно.

– Мой муж завёл любовницу. Мало того, эта девица беременна, так ещё сегодня утром Тимур заблокировал все мои банковские карты. Я хочу развод.

Глеб отложил ручку. Медленно, словно нехотя, поднял на меня взгляд. Глаза у него оказались колючие, серые и пустые. Так голодный хищник оценивает калорийность добычи. Видимо, я показалась ему слишком старой и постной для сытного обеда.

– Громов. Владелец ресторанной сети, – протянул он, откидываясь на спинку кресла. – Я его прекрасно помню. Редкостная гнида. Брачный контракт есть?

– Нет. Но всё имущество, бизнес, счета и недвижимость оформлены на него и его подставные фирмы. По бумагам у меня нет даже табуретки. Я – никто.

Сададьский криво усмехнулся. Взял свою чашку, сделал глоток чёрного кофе и скривился, будто выпил яд.

– Классика жанра, – вздохнул он. – Домашняя клуша двадцать лет покорно варила борщи, пока муж строил империю. А теперь старую игрушку выкинули на мороз. И вы припёрлись ко мне, чтобы я отсудил вам половину замка в Репино?

– Я пришла, чтобы вы размазали его тонким слоем по асфальту, – спокойно ответила я. – И оставили с голым задом.

Глеб вдруг громко рассмеялся.

– Обожаю наивных обиженных, – он наклонился вперёд, уперев локти в стол. – Слушайте сюда, Громова. Я не работаю семейным психотерапевтом. И я точно не занимаюсь благотворительностью. Мои услуги стоят дорого. Очень дорого, а у вас нет денег. У вас нет доказательств,

что бизнес строился на совместные средства. С юридической точки зрения вы – пустое место. Ваш потолок – это алименты на детей, если они, конечно, несовершеннолетние.

– Им по девятнадцать.

– Бинго! – он издевательски хлопнул в ладоши. – Тогда ваш максимум – это смачный пинок под зад. Найдите себе дешёвого студента-юриста, может, он выбьет вам старую стиральную машину. Разговор окончен. Дверь там.

Он снова схватил ручку. Всем своим видом адвокат показывал, что моё время вышло.

Давление было просто колоссальным. Я чувствовала себя жалкой букашкой, которую вот-вот раздавят каблуком. Любая другая женщина на моём месте давно бы расплакалась, начала умолять или с позором убежала, но я не «любая». Я привыкла к диктатуре грубых мужиков. Меня так просто не вышвырнуть.

Я решительно встала и подошла вплотную к его столу. Открыла свою чёрную коробку и поставила её прямо поверх его суперважных бумаг.

Внутри лежали три эклера. Идеальной формы, с безупречной глянцевой поверхностью, словно с картинки глянцевого журнала.

Глеб брезгливо сморщил нос, будто я принесла емудохлуюмышь.

– Вы вообще в своём уме? – прошипел он. – Я не жру сладкое. У меня от него язва. Уберите эти чёртовы булки с моего стола, пока я не вызвал охрану и вас не вышвырнули силой!

– А вы попробуйте, Сададьский, – я упёрлась руками в стол и нависла над ним, глядя прямо в его наглые глаза. – Если после одного укуса вы скажете, что это дерьмо – я уйду сама. И больше никогда не появлюсь в вашей жизни. Обещаю. В этой коробке мой бизнес-план!

Он посмотрел на меня как на городскую сумасшедшую. Потом перевёл взгляд на эклеры. Видимо, моя наглость сломала ему привычный сценарий. Жертвы так себя не ведут, они не качают права. Я по глазам видела, что десерт для него сейчас был самой страшной пыткой. О да, я вас знаю, скрытых сладкоежек, которые живут в вечной борьбе «удовольствие или фигура».

Глеб раздражённо вздохнул, схватил ближайший эклер так резко, словно собирался свернуть ему шею. Ну давай, победи врага.

– Если тут сахар, я скормлю это вам насильно, – прорычал он и злобно откусил сразу половину.

Я начала мысленно считать. Один. Два. Три.

Лицо адвоката замерло, а взгляд, который секунду назад выражал лишь презрение и скуку, вдруг стал расфокусированным. Он медленно прожевал и посмотрел на оставшийся в руке кусок так, будто перед ним лежал слиток чистого золота.

Сахар? Разбежался, Глеб Викторович. Заварное тесто на крафтовом сыре. Внутри был нежнейший, тающий во рту паштет из копчёного лосося, а сверху глазурь из крем-чиза с каплей дорогого трюфельного масла, посыпанная микрозеленью и крупной морской солью. Удар по вкусовым рецепторам, от которого хочется немедленно продать душу дьяволу.

Он молча, с какой-то первобытной жадностью доел эклер и вытер пальцы бумажной салфеткой. В глазах этой акулы появилось одобрение.

– Что это сейчас было? – тихо, почти шёпотом спросил он.

– Это – основа всей империи Тимура Громова, – я гордо выпрямилась. – Вы правда думаете, он гениальный ресторатор от бога? Он просто тугой кошелёк с хорошей деловой хваткой. Всё эксклюзивное меню его хвалёных ресторанов, авторские рецептуры, за которыми к нему прутся люди со всей страны придумала и создала я.

Я порылась в сумочке, достала пухлую флешку и с тихим стуком положила её рядом с коробкой.

– Здесь всё, – я постучала ногтем по пластику. – Мои черновики, технологические карты, переписки с поставщиками за последние десять лет. И самое сладкое, тут есть патенты. Мой идиот-муж был слишком занят, переписывая недвижимость на свои мутные ООО. Он всегда

считал кулинарию «бабьей стряпнёй». Большинство рецептов вообще нигде не зарегистрированы. А те, что он всё-таки попытался оформить, сделаны с грубейшими нарушениями.

Садальский неотрывно гипнотизировал флешку. Его блестящий юридический мозг уже начал со скрипом собирать этот пазл, просчитывая варианты.

– Вы хотите сказать... – медленно произнёс он, словно пробуя слова на вкус.

– Я хочу сказать, Глеб Викторович, что если мы грамотно выдернем авторские права на меню, подадим кучу исков о запрете использования моих интеллектуальных трудов и сольём инфу в прессу, то его репутация рухнет. Его элитные рестораны превратятся в унылые привокзальные чебуречные, а акции пробьют дно. Инвесторы разбегутся как тараканы при свете дня. Я уничтожу его бизнес изнутри, своими собственными руками. А вы мне в этом поможете. И мы честно поделим всё, что от него останется. Мне не нужны деньги, в чистом виде, я в них не нуждаюсь, но я хочу справедливости.

Садальский вдруг хищно улыбнулся. Тени под его глазами словно стали чуть светлее. Он медленно потянулся и взял второй эклер.

– Знаете, Громов однажды нагло отжал у моего клиента шикарное помещение под свой ресторан в самом центре, – задумчиво произнёс адвокат, внимательно разглядывая выпечку. – Просто купил судью с потрохами. Я тогда поклялся, что придет день, и я лично спущу с этого подонка шкуру.

Он откусил большой кусок и прикрыл глаза от явного удовольствия.

– Вы никакая не домашняя клуша, Василиса. Вы – грёбаный троянский конь в кухонном фартуке. И мне это очень нравится. Я беру ваше дело.

Я шумно выдохнула, мои плечи наконец-то расслабились. Я сделала это. Я нашла своего бешеного цепного пса, который с радостью порвёт Тимура на куски.

– Отлично, – я позволила себе лёгкую улыбку. – Когда мы подписываем договор?

– Завтра утром, – Глеб доел второй эклер и, забывшись, слизал каплю трюфельного крема с большого пальца. – Но у меня есть одно очень жёсткое условие, Громова, и оно не обсуждается. Вообще.

Я снова внутренне напряглась. В мире таких прожжённых людей бесплатный сыр бывает только в мышеловке, да и ту обычно нужно брать в ипотеку.

– Какое ещё условие? Процент от выигранного имущества будет больше?

– Шестьдесят на сорок в вашу пользу, это мой стандарт, – небрежно отмахнулся он. – Условие другое.

Он обвёл усталым взглядом свой огромный стол. Горы бумаг, пустые пластиковые стаканчики, грязные кофейные чашки и какие-то мятые блистеры от таблеток.

– Мой желудок скоро окончательно скажет мне «прощай», Василиса. Я питаюсь исключительно крепким кофе и чистой ненавистью к своим клиентам. Вы хотите, чтобы я полностью уничтожил вашего мужа? Я это сделаю с огромным удовольствием. Я вытрясу из него всю душу до последней копейки. Но взамен вы будете мне готовить.

Я непонимающе захлопала глазами, пытаюсь переварить услышанное.

– Что? В смысле, готовить?

– В самом прямом, – Садальский посмотрел мне прямо в глаза, и в его суровом взгляде не было ни капли иронии или шутки. – Каждый божий день. Нормальной, правильной, спасающей от язвы едой. Горячие ужины. И чтобы вот так же потрясюще вкусно. Вы обеспечиваете мне физическое выживание организма, а я обеспечиваю вам выживание в суде.

Я недоверчиво посмотрела на этого страшного человека в помятом дорожном костюме. Успешный миллионер, безжалостная акула юриспруденции на полном серьёзе шантажирует меня... едой? Это было настолько абсурдно, что я едва сдержала нервный смешок.

– Договорились, Садальский, – я уверенно кивнула. – Но учтите, за каждое опоздание на ужин я буду нещадно бить вас сковородкой. Прямо по голове.

Глеб криво усмехнулся, придвигая к себе третий, последний эклер.

– Рискните. А теперь идите домой и отдохните как следует, Василиса. Завтра мы начнём отрывать вашему муженьку голову.

Глава 4

Я сняла двушку на окраине, на первое время. Крошечную, зато свою. Ремонт тут делали ещё при царе Горохе, а вода из крана текла с лёгким ароматом ржавых гвоздей. После нашего загородного особняка с мраморными полами это смотрелось даже смешно. Зато никаких вензелей на обоях, никакой прислуги, и главное – никакого мужа, который требовал чек за каждую купленную пару трусов.

Я сидела на хромом табурете и пила дешёвый растворимый кофе. Редкостная дрянь, скажу я вам. На вкус как жжёная земля, но кофемашину я не покупала принципиально. Деньги были, просто сейчас они нужны для другого. Мне предстояло кормить Сададьского. Адвокат вечно не высыпался, злился на весь мир и выглядел так, будто питается душами нерадивых мужей. Но сегодня в меню была говяжья вырезка с овощами. Она уже мирно булькала в кастрюле. Глеб Викторович получит мясо, а я – билет на свободу и половину империи в придачу.

В хлипкую дверь постучали. Я пошла открывать, на ходу поправляя растянутую футболку, на пороге оказались мои близнецы.

Егор мялся с ноги на ногу, прятал глаза и вообще выглядел так, будто пришёл просить денег на погашение долга у мафии. Соня, напротив, напоминала натянутую струну. Вроде и боевая, но дёрганая.

– Заходите, – я отступила, пропуская их в тесный коридор. – Чай будете? У меня только в пакетиках. Элитные сорта остались в прошлой жизни.

– Пойдёт, мам, – буркнул Егор.

Он протиснулся на кухню и плюхнулся за стол. Стол жалобно скрипнул. Соня по-хозяйски залезла на подоконник, едва не свернув горшок сдохлым кактусом. Я кинула дешёвые пакетики в чашки, залила кипятком и поставила перед ними.

Повисло тяжёлое молчание. Я нутром чуяла, что они притащились сюда не просто посмотреть, как мать страдает в ссылке.

– Ну, рассказывайте, – я скрестила руки на груди, прислонившись к раковине. – Кто умер? Судя по вашим лицам, кто-то очень богатый, но наследство нам не светит.

Егор тяжело вздохнул и обхватил горячую кружку длинными пальцами.

– Отец звонил. Утром, – глухо выдавил он. – Просил приехать к нему в офис.

Внутри что-то неприятно ёкнуло, Тимур сделал ход. Он всегда знал, куда бить. Дети – это моя слабость. И он целился прямо туда.

– И чего хотел наш щедрый папочка? – я удивилась, насколько спокойно прозвучал мой голос.

– Сделку предлагал, – Егор наконец поднял глаза. В них не было детской растерянности. Там работал холодный калькулятор студента-экономиста. – Сказал, что ты не в себе. Поехала кукухой на фоне климакса и нервного срыва.

– Какая прелесть, – фыркнула я.

– Ага. А мне он предложил стать помощником управляющего в новом ресторане. Оклад такой, что я чуть слюной не подавился.

– А мне пообещал оплатить магистратуру в Лондоне, – встряла Соня, болтая ногами. – И тачку купить, новую. Условие простое: мы должны, цитирую, «помочь маме вылечить голову и вернуться в семью». Ну, или хотя бы забанить твой номер на время развода. Чтобы ты в суде выглядела брошенной всеми истеричкой.

Я прикрыла глаза, сделал вдох, а потом выдох.

Тимур был нарцисс до мозга костей. Он свято верит, что купить можно абсолютно всё. Вопрос лишь в количестве нулей. И сейчас он решил выкупить моих детей. Задушить меня в вакууме. Оставить одну в этой ржавой квартирке, без мужа, без денег и без смысла жизни.

– И каков ваш вердикт? – я посмотрела на сына.

Егор нахмурился. Парню было реально паршиво.

– Мам, я за тебя. Честно. Он повёл себя как конченный мудака, – Егор подбирал слова, словно шёл по минному полю. – Но давай смотреть на цифры. У нас с Сонькой учёба, расходы, тусовки. У тебя сейчас ноль. Он заблокировал твои карточки, мы проверяли. На какие шиши ты собралась жить? На какие шиши будем жить мы? Я не хочу бросать универ и таскать пиццу в жёлтом рюкзаке. Отец просто взял нас за горло.

Обидно? Ни капли. Я смотрела на него и чувствовала распирающую гордость.

Мой сын не предатель, а прагматик. Он видит летящий в лоб кирпич и просчитывает траекторию уклонения. В нём нет тимуровских истерик. Зато есть моя способность соображать, когда всё летит к чертям.

Я молча отлепилась от раковины и достала из сумки старый ноутбук. Поставила на стол прямо между кружками, открыла и быстро вбила пароль.

– Подвинься-ка, – скомандовала я.

Егор послушно убрал руки. Я зашла в банковское приложение для юрлиц и открыла выписки.

– Смотри сюда, – я развернула экран. – Видишь цифры?

Егор прищурился, и его брови поползли вверх, скрываясь под чёлкой. Он водил глазами по колонкам доходов. Раз ноль, два ноль, три ноль... Потом уставился на итоговый баланс.

– Это... Это баг системы? – севшим голосом спросил он.

– Это мой тайный заработок с кондитерской, сынок. Я кормлю закрытые вечеринки, корпоративы шишек и частные тусовки. Твой папаша думал, что я от скуки пеку капкейки для подружек. А я втихаря построила бизнес с рентабельностью в двести процентов. Эти деньги лежат на счетах, до которых его короткие ручонки не дотянутся.

Я кликнула на соседнюю вкладку.

– А вот это патенты, технологические карты и рецептуры. Половина десертного меню в его пафосных ресторанах принадлежит мне официально. Завтра мой злой и голодный адвокат подаёт иск. Мы запретим Тимуру использовать мои рецепты. Его бизнес рухнет быстрее, чем картонный домик на сквозняке.

Егор смотрел на экран с таким благоговением, будто я открыла ему портал в Нарнию.

– То есть... – он судорожно сглотнул. – Это чистая прибыль?

– После уплаты налогов. Я сплю спокойно, Егор.

Тут Соня не выдержала, прыгнула с подоконника и внаглую заглянула брату через плечо.

– Офигеть можно! – присвистнула дочь. – Мам, ты что, подпольный кондитерский босс?

Уолтер Уайт от мира эклеров?

– Типа того. Только варю я карамель, а не то, что варил этот учитель химии, – я широко улыбнулась и окончательно расслабилась. Я бросила свой якорь, теперь дети точно со мной. И они уважают силу. – Можете передать отцу, чтобы засунул свои подачки себе в... портфель. С голодухи не помрём.

Егор откинулся на спинку скрипучего стула. На его лице расплылась хищная улыбка.

– Знаешь, мам, а Лондон пойдёт лесом, – заявил он. – Я у тебя стажироваться буду. Бухгалтерию вести, за процент, естественно.

– Договорились.

Вдруг Соня выхватила из кармана телефон. Её глаза загорелись, как у маньяка перед жертвой.

– Так, раз мы теперь мафиозный клан, пора идти в атаку, – она начала агрессивно тыкать пальцем в экран. – Я вчера полночи ковырялась в соцсетях этой силиконовой швабры, Алины.

– Нашла рецепт идеальных губ уточкой? – я снова присела на табурет.

– Там сплошной фотошоп и тупые цитаты. Но суть не в этом! Помните, на яхте она верещала, что у них будет мальчик?

– Такое фиг забудешь, – я хмыкнула. – Я сама этот синий бисквит резала. Чуть нож не сломала от злости.

– Гендер-пати делают минимум на шестнадцатой неделе. Раньше на УЗИ ничего не разглядеть, – Соня тараторила, как пулемёт. – Получается, она залетела около четырёх месяцев назад.

Дочь сунула мне под нос экран. На фото Алина выгибалась в микро-купальнике на фоне пальм. В руке держит бокал с коктейлем. Живот плоский, как доска.

– Смотрите на дату, – скомандовала юная сыщица. – Мальдивы. Три с половиной месяца назад. Отец тогда заливал, что полетел на важные переговоры.

– И чё? – не догнал Егор. – Ну, бухала она на раннем сроке. У неё же вместо мозгов филлеры.

– Да при чём тут бухло, тормоз! – Соня закатила глаза. – Геолокацию смотри! И билеты! Я через знакомую в турагентстве пробила её рейсы.

Она победно ухмыльнулась.

– Эта мырма летала на Мальдивы не с нашим батей. Она полетела туда с каким-то качком, фитнес-тренером. А отец притащился к ней только через три дня. И если считать недели... Короче, ребёночек-то был сделан именно в эти первые три дня!

Я уставилась на фотку. В голове со звонким щелчком сошёлся пазл.

Тимур был параноиком, и контролировал каждый мой шаг. Но эта малолетняя дура ударила по его слепой зоне, по раздутому мужскому эго. Он что, так бредил наследником, что даже не удосужился открыть календарь и посчитать дни?

– Ты хочешь сказать, – медленно, по слогам произнёс Егор, – что этот грёбанный синий бисквит вообще не от нашего папаши?

– Я хочу сказать, – Соня хищно оскалилась, точь-в-точь как брат минуту назад, – что у нас в руках ядерная боеголовка. Копнём глубже и докажем, что она спит с тренером. Прикиньте рожу отца, когда он поймёт, что отвалил кучу бабок на праздник для чужого спиногрыза?

Я переводила взгляд с сына на дочь. Умные, расчётливые и беспощадные. Все в меня.

– Скинь мне все скрины прямо сейчас, – я захлопнула ноут. – Моему юристу эта сказочка на ночь очень понравится.

Я подошла к плите. Открыла крышку, мясо дошло до идеала, а пахло умопомрачительно.

Вот это поворот. В этом дешёвом реалити-шоу мой муж стопроцентно вылетит в первом же туре.

Глава 5

Я обожаю работать с шоколадом, он честнее бывшего мужа. У шоколада хотя бы есть правила. Если всё делать по инструкции, он ответит идеальным глянцем и звонким хрустом. А если попытаешься обмануть, схалтурить или забить на температуру, то он пойдёт белыми пятнами и развалится в руках. Прямо как мой брак.

Шоколад не терпит суеты и не прощает истерик. Поэтому я предпочитаю работать с ним, а не с людьми. Люди врут, изменяют и пытаются отнять твои деньги. Шоколад просто вкусно пахнет и делает тебя счастливой. Если, конечно, ты не на диете.

На часах десять утра, я стою на своей тайной кухне, вокруг было прохладно. На мраморном столе растекается лужа растопленного бельгийского шоколада. Дорогой, зараза, но он того стоит.

В правой руке у меня шпатель, а в левой скребок.

Я просто стою и гоняю шоколад по столу, туда-сюда. Это моя личная медитация, которая успокаивает нервы куда лучше валерьянки или сеанса у психолога. К тому же, психологу надо платить, а шоколад потом можно продать.

Я смотрю, как масса медленно остывает, густеет и меняет текстуру. Здесь всё под моим контролем. Это мой единственный якорь в реальности, которая пару дней назад полетела в тартарары.

Вдруг входная дверь противно скрипнула. По кафелю громко застучали каблуки. Я даже не обернулась. Продолжила собирать шоколад.

– Ну привет, неудачница, – раздался за спиной писклявый голос.

Я не дрогнула, а спокойно довела шпатель до края плиты и собрала массу в миску. Взяла пирометр, прицелилась и щёлкнула кнопкой. Красный луч ударил прямо в шоколад.

Тридцать один градус, идеальная рабочая температура. Только после этого я неспеша повернула голову.

Посреди кухни стояла Алина. Новая любовь моего мужа и выглядела она так, словно сбежала со съёмок дешёвого клипа про роскошную жизнь.

Розовое платье еле-еле прикрывало её тощий зад. Сверху она накинула белый кардиган, а на ногах были туфли с такими шпильками, что на них при желании можно насаживать мелких врагов. Интересно, как беременные ходят на таких каблуках?

В руках она тискала микроскопическую сумочку. В неё даже пачка влажных салфеток не влезет, не то что совесть.

Алина надула губы и гордо вздёрнула подбородок. Хозяйка жизни пришла посмотреть на поверженную жену-пенсионерку.

– И тебе не хворать, – я взяла лопатку и начала аккуратно перемешивать шоколад. – Бахилы надень, у меня тут пищевое производство. А ты сразу с улицы несёшь. И так от тебя одни проблемы.

Алина скривилась, словно я предложила ей помыть полы. Или, не дай бог, устроиться на нормальную работу.

– Ещё чего! – фыркнула она, делая наглый шаг вперёд. – Я вообще-то ненадолго. Пришла глянуть, как ты тут обитаешь. Тимурчик сказал, что ты теперь живёшь в какой-то бомжатне на окраине города.

Она брезгливо осмотрела мои стеллажи, новенькие печи и миксеры. Да уж, бомжатня за несколько миллионов рублей.

Внутри всё равно кольнуло, обида закралась в душу. Значит, Тимур сам не пришёл. Побоялся смотреть мне в глаза. Решил ударить по больному месту, прислав свою беременную малолетку, чтобы окончательно меня добить. Настоящий мужчина, ничего не скажешь.

Но внешне я осталась спокойной. Взяла кондитерский мешок и начала переливать туда шоколад.

– Как видишь, не померла с голоду, – я пожала плечами. – Работаю. Чего надо, Алина? Говори быстрее. У меня время – деньги. А у тебя, судя по всему, ни того, ни другого.

Её брови удивлённо поползли на лоб. Она явно ждала слёз или, что я брошусь на неё с кулаками, начну царапать лицо или проклинать. А я просто отсаживала ровные капли на пергамент. Одну за другой.

– Ты слишком много о себе возомнила, Вася, – Алина сложила руки на груди.

Она попыталась выглядеть грозно. Получилось комично, как у рассерженного суриката.

– Тимур велел передать, чтобы ты заканчивала этот цирк с судами! – визгливо заявила она. – Ты всё равно ничего не получишь. Он оставит тебя без копейки! Отзови иски и извинись перед нами. Тогда он, может быть, даст тебе немного денег из жалости, на пропитание.

Я остановилась. Подняла глаза на эту глупую девочку.

Мне вдруг стало её даже жаль. Она ведь реально не понимает, во что вляпалась. Искренне верит, что поймала золотую рыбку и теперь будет купаться в шампанском. А на деле ухватилась за тонущий кусок бетона.

Я отложила мешок и вытерла руки полотенцем. Пора было применять свой главный инструмент. Холодную математику.

– Давай посчитаем, Алиночка, – мой голос звучал мягко. Так психиатры разговаривают с буйными пациентами. – Ты ведь думаешь, что твой Тимур богат?

Она гордо выпятила грудь.

– Он успешный ресторатор! У него сеть!

– У него долги, милая моя, – я облокотилась о край стола. – Три ресторана из пяти приносят стабильный убыток. Помещения в аренде. Оборудование в лизинге. Вся его красивая жизнь и твои сумочки держатся на двух точках в центре.

Алина захлопала ресницами, её картинка мира начала давать трещину.

– Завтра утром, – я продолжила забивать гвозди в крышку её фантазий, – мой адвокат подаёт иск о защите авторских прав. Мы запрещаем использовать мои рецепты. Завтра к обеду меню в ресторанах сократится на шестьдесят процентов.

– И что с того? – пискнула Алина. Она нервно дёрнула ремешок своей сумочки. – Он просто наймёт других поваров! Делов-то!

– Наймёт. Но люди ходят туда есть мои профитролы, тарталетки и медовик. Клиенты уйдут к конкурентам, и выручка рухнет до нуля. А следом в двери постучат приставы. Знаешь почему? Потому что мой адвокат, Глеб Сададьский, уже готовит бумаги для ареста счетов Тимура.

Я замолчала и дала ей время переварить информацию.

Алина начала бледнеть. Розовое платье вдруг стало казаться на ней нелепым.

– Знаешь, что будет дальше? – я улыбнулась. – Банки запаникуют и потребуют вернуть кредиты. Тимур станет банкротом и всё имущество, которое он так старательно прятал, пойдёт с молотка за копейки.

Я неспеша обошла стол и подошла к ней вплотную.

– И вот останешься ты, – я ткнула пальцем в её кардиган. – С младенцем на руках. А рядом на диване будет лежать злой, нищий мужик в глубокой депрессии. Который привык жрать устриц, но совершенно не умеет на них зарабатывать. А ещё, Алиночка, ему придётся платить мне компенсацию морального вреда.

Алина отшатнулась от меня, как от чумной. Её нижняя губа мелко задрожала. Весь пафос и спесь слетели за одну минуту. Передо мной стояла перепуганная девчонка.

– А дети сейчас стоят дорого, – я прищурилась, решаясь на добивающий удар. – Особенно если ребёнок родится с... хорошей генетикой для спорта. Ты ведь очень любишь фитнес, Алина? Говорят, твой тренер берет бешеные деньги за тренировки на выезде.

Это был контрольный выстрел, Сониная разведка сработала идеально.

Алина стала белой как стена. Я даже испугалась, что она сейчас рухнет в обморок прямо на мой кафель и испачкает его. Её глаза расширились от ужаса, до неё дошло, что я знаю про её грязную тайну с тренером.

Паника полностью отключила её мозг. Инстинкт самосохранения дал сбой.

– Ты врёшь! – завизжала она, брызгая слюной. – Ничего ты не запретишь! Тимур сказал, что твои бумажки – это мусор!

Она начала дико размахивать руками. Сумочка летала из стороны в сторону, угрожая разбить мне лицо.

– Он сказал, что у него везде свои люди! – орала Алина, срываясь на ультразвук. – Он уже обо всём договорился! Ему перепишут все даты на твоих патентах задним числом! Завтра эти рецепты будут официально принадлежать ему! И ты ничего не докажешь, старая дура!

На кухне повисла мёртвая тишина. Слышно было только, как гудит холодильник.

Я замерла и внутри всё резко похолодело.

Задним числом.

Так вот оно что! Вот почему Тимур сидел тише воды эти два дня. Он не просто злился. Он покупал нужных чиновников, чтобы украсть дело всей моей жизни. Если они изменяют даты в базе раньше, чем Глеб подаст иск... Я потеряю вообще всё. У меня не останется главного козыря.

А эта идиотка только что слила мне весь его план. Сама принесла на блюдечке.

Я медленно выдохнула, и лицо моё оставалось каменным.

– Вот как, – я усмехнулась. – Что ж. Передай Тимуру большое спасибо, за ценную информацию.

Алина осеклась и поперхнулась воздухом. До неё вдруг дошло, что она сейчас натворила. Она в ужасе зажала рот рукой, глаза нервно забегали.

– А теперь пошла вон с моей кухни, – чётко произнесла я. Металл в голосе можно было резать ножом. – И бахилы в следующий раз надевай. Пол скользкий, недолго и шею свернуть.

Алина резко развернулась. Чуть не упала со своих шпилек, зацепившись за ножку стеллажа, и пулей вылетела за дверь.

Я осталась одна. Внутри меня колотил адреналин. Глупая девочка пришла меня напугать, а вместо этого дала мне в руки заряженный дробовик. Время работало против нас. Тимур готовился нанести удар в спину.

Я вытащила телефон из кармана кителя и набрала номер. Гудки шли бесконечно долго. Наконец раздался недовольный, хриплый голос.

– Громова, – проворчал Сададьский. – Если вы звоните сказать, что ужина сегодня не будет, я прямо сейчас рву наш договор.

– Ужин будет, Глеб Викторович, – я стянула поварской колпак. Кровь шумела в ушах. – Будет сочный стейк, но у нас проблема. Мой бывший муж прямо сейчас переписывает патенты задним числом. У нас есть время максимум до утра.

Повисла секундная пауза. А потом я услышала тихий смешок адвоката.

– Прекрасно, – промурлыкал Глеб тоном голодного людоеда. – Обожаю, когда дичь пытается убежать. Жду вас с мясом через два часа в моём офисе. Будем ломать вашему муженьку ноги. Юридически, разумеется.

Глава 6

Я бросила телефон на металлический стол. Времени в обрез, нужно было быстро собрать еду, упаковать этот чёртов стейк так, чтобы он не остыл по дороге, и гнать через весь город в офис к Сададьскому.

Я заметалась по кухне. Мой злой и голодный адвокат должен быть сытым и максимально злым на моего бывшего мужа, а не на меня.

Только я защёлкнула крышку контейнера и потянулась к рюкзаку, как телефон на столе коротко звякнул.

Новое сообщение. Номер неизвестный, но текст заставил меня притормозить и удивлённо приподнять бровь.

«Громова, планы меняются. Никуда не едьте. Сидите дома. Я всё решу сам, идите спать. Глеб».

Я нахмурилась и перечитала текст ещё раз, странно. Буквально десять минут назад этот изголодавшийся вампир готов был рвать и метать, требуя свой ужин немедленно. А теперь вдруг проявил чудеса человеческой заботы и отправил меня баиньки? Да ещё и с какого-то левого номера.

Мой внутренний параноик недовольно заворчал. Стилистика совершенно не та. Сададьский бы скорее написал: *«Громова, жрите свой стейк сами, я нашёл юридическую лазейку».* Никаких вежливых *«идите спать»* от него в жизни не дождёшься.

Но, с другой стороны...

Я посмотрела на свои руки, они мелко дрожали от дикого перенапряжения после встречи с Алиной. Ноги гудели от усталости, а в поясницу будто вбили длинный ржавый гвоздь. Последние несколько суток я спала какими-то жалкими урывками, питалась исключительно кофе, адреналином и стрессом. Если я сейчас сяду за руль и поеду через весь вечерний город, то имею все шансы тупо уснуть на ближайшем светофоре и въехать в столб.

Я тяжело выдохнула, чувствуя, как напряжение медленно отпускает плечи.

– Ну, раз сам господин адвокат велел спать, кто я такая, чтобы спорить с российской юриспруденцией? – пробормотала я вслух, обращаясь к пустым стенам.

Я пожала плечами. В конце концов, я наняла профессионала. Бешеного цепного пса, который точно знает своё дело. Если он сказал, что решит всё сам, пусть решает. Я свою часть сделки выполнила, вкусную еду приготовила. А то, что он от неё внезапно отказался, то это уже его проблемы.

Я неторопливо распаковала фольгу. Отрезала кусок сочного, истекающего соком мяса и отправила в рот, идеально. Тимур за такой стейк в своих пафосных ресторанах содрал бы с клиента половину зарплат.

Доев мясо прямо над металлической раковиной, я выключила свет на кухне. Закрyla тяжёлую дверь на все замки и поплелась к своей старенькой машине.

До съёмной квартиры я добралась на чистом автопилоте. Скинула неудобную обувь прямо в тесном коридоре, даже не потрудившись поставить её ровно. Стянула пропахшую жареным мясом и ванилью одежду.

Кровать жалобно скрипнула, принимая моё уставшее тело. Я с наслаждением завернулась в тонкое одеяло. Голова едва коснулась подушки, как сознание начало стремительно проваливаться в густую темноту.

Завтра будет очень трудный день. Возможно, самый трудный и решающий во всей моей жизни. Но сегодня я просто выплусь.

– Спокойной ночи, Тимурчик, – прошептала я в пустоту комнаты, медленно закрывая глаза. – Надеюсь, тебе сегодня приснится налоговая проверка или качок, с которым твоя дура тебе наставила рога.

* * *

Звонок в дверь орал так, будто за ней стоял ОМОН с ордером на обыск.

Моя новая съёмная берлога вообще не была рассчитана на гостей. Я кое-как разлепила глаза. На часах начало второго. Вчерашний адреналин отступил, оставив после себя чугунную голову и чувство, словно меня ночью переехал асфальтоукладчик. Я решила, что сегодня просто поваляюсь лицом в подушку, но у звонка были другие планы.

Я накинула старый халат, поплелась в коридор и щёлкнула хлипким замком.

На пороге стояла Аня. Это жена Виталика, партнёра моего пока ещё мужа. На ней было бежевое пальто, дорожный шёлковый платок и очки на пол-лица. Вылитая кинозвезда, которая прячется от папарацци. А в руках она судорожно сжимала огромный пакет из элитного алкомаркета.

– Васька! – трагично завывала она прямо с порога.

Аня кинулась мне на шею и всхлипывала так громко, словно это её благоверный завёл себе молодую инкубаторшу, а не мой.

– Ань, разувайся аккуратнее. Тут линолеум пузырями пошёл, споткнёшься, шею свернёшь, а мне труп прятать совершенно негде, – буркнула я, отлепляя её от себя.

Мы прошли на мою крошечную кухню, и Аня в ужасе уставилась на обшарпанные обои в цветочек, древнюю плиту и мой хромой табурет. Для неё, девочки, чья жизнь зависела только от настроения мужа и лимита на кредитке, моя квартирка выглядела как комната пыток.

– Божечки, – прошептала подруга и брезгливо присела на краешек стула. – Тимур совсем кукухой поехал? Выкинул тебя в этот клоповник! Как ты тут выживаешь? Давай я с ним поговорю? Или Виталика натравлю! Мы ему мозги на место вправим!

Она полезла в пакет и вытащила пузатую бутылку крутого итальянского вина. Следом на стол шлёпнулись два куска сыра, которые стояли, наверное, как моя месячная аренда.

– Подруга, притормози, – я достала из ящика самый обычный штопор. – Во-первых, я сама сюда ушла. Во-вторых, не вздумай меня жалеть. И уж тем более не смей ни о чём просить Тимура. Если я захочу его увидеть, то только в морге. И желательно, чтобы опознавать пришлось по зубам.

Аня нервно сглотнула. Я ловко открыла бутылку и разлила тёмно-красное вино по гранёным стаканам. Бокалов в этой дыре отродясь не водилось.

– Но как же так? – Аня взяла стакан двумя пальцами, словно там был яд. – Двадцать лет! Вы же были идеальной парой! А эта его мымра... Я её видела в салоне недавно. Губы как два пельменя, а мозгов как у хлебushка.

– Зато там есть то, чего нет у меня, – я сделала большой глоток. Вино оказалось просто бомбическим. – Слепое обожание. Тимур любит, когда ему смотрят в рот. А я последние годы смотрела только в духовку. Плюс, я бы не назвала идеальным брак, где муж тайком спонсирует чужие импланты из семейного бюджета.

Мы просидели так пару часов. Вино приятно ударило в голову и расслабило, я даже посмеялась над Анькиными сплетнями. Это было именно то, что мне сейчас нужно, пусть и немного дурацкой, но простой человеческой жизни. Без судов, дележа имущества и предательства.

– Вась, ну а делать-то что будешь? – Аня заметно захмелела, её щёки покрылись красными пятнами. – Ты же останешься с голой попой. Он наймёт лучших юристов.

– Пусть попробует, – я отрезала себе кусок вонючего сыра. – У меня есть козыри. И я тоже наняла адвоката.

– Бесплатного студента из конторы за углом? Вася, давай я тебе денег одолжу!

– Глеба Сададьского.

Аня поперхнулась вином и закашлялась, прикрывая рот рукой, а её глаза округлились так, что чуть не выпали из орбит.

– Кого?! Сададьского?! – взвизгнула она. Я аж поморщилась. – Вася, не гони! Он же к простым смертным не спускается!

– Ну, значит, я бессмертная.

– Обалдеть... – Аня подпёрла щёку рукой и мечтательно закатила глаза. – Ты хоть в курсе, что он – самый крутой холостяк в нашей тусовке? Моя маникюрша обслуживает жену депутата, так та божилась, что Сададьский в постели просто зверь. А какой на нём костюмчик сидел на последнем благотворительном ужине!

Я чуть не выплюнула сыр прямо на стол, меня аж передёрнуло.

– Ты рехнулась? – я скривилась, вспомнив серые, колючие глаза Глеба и его вечно помятый вид. – Какой жених? Это злобный упырь, который питается кофеином и слезами своих оппонентов. У него характер как у бешеного барсука с бессонницей. Если к нему ночью сунется маньяк, Сададьский засудит его за нарушение личных границ и заставит выплатить моральный ущерб. Кто его вообще в здравом уме полюбит?

– Ой, да ты ничего не сечёшь! – отмахнулась подруга. – Такие плохие парни – это же самый огонь! Главное, найти к нему правильный подход.

– Я уже нашла. Говяжья вырезка и эклеры без сахара, – хмыкнула я.

Аня звонко рассмеялась, решив, что я шучу. Вскоре мы допили бутылку, и она уехала, оставив меня с лёгким чувством абсурда.

К вечеру голова прояснилась окончательно. Я заварила себе крепкого чая, открыла ноутбук и начала собирать в кучу все косяки Тимура. Нужно было выстроить хоть какую-то линию защиты.

В восемь вечера экран телефона замигал. Сададьский. Вспомнишь лучик солнца, вот и он.

– Слушаю, Глеб Викторович, – я нажала кнопку приёма.

– Громова, – раздался в трубке его скрипучий голос. На фоне кто-то яростно долбил по клавиатуре. – Я пробил по своим каналам в Роспатенте. Ваш благоверный и правда уже занёс кому надо пухлый конверт. Они готовят бумажки, чтобы оформить ваши рецепты как интеллектуальную собственность его компании задним числом. Аж пятилетней давности.

Я нахмурилась.

– Это как вообще? И что это значит для нас?

– Это значит, что электронная база будет на его стороне, – Глеб шумно отхлебнул свой отвратительный кофе. – Если мы сунемся в суд с моими распечатками, судья посмотрит на реестр и пошлёт нас лесом собирать грибы. Нам нужны физические доказательства того, что рецепты существовали раньше.

– Физические? – я задумчиво забарабанила пальцами по столу. – Черновики?

– В точку. Тетрадки, записи на салфетках, дневники. То, что можно отдать на экспертизу давности чернил и бумаги. У вас такое есть?

Я замерла. Перед глазами яркой картинкой всплыли мои толстые блокноты в потёртых обложках. Заляпанные маслом, мукой и шоколадом страницы. Пометки на полях, которые я делала ещё до того, как Тимур открыл свой первый пафосный ресторан. Вся моя база и мой фундамент.

– Есть, – глухо ответила я. – Мои старые рабочие дневники.

– Где они? – голос Сададьского стал похож на рычание охотничьей собаки, увидевшей дичь.

– В старой студии. Это подвал на Петроградке, мы там начинали свой бизнес. Тимур до сих пор скидывает туда всякий сломанный хлам.

– У него есть туда доступ?

– У него есть ключи от всех дверей, Глеб. Он параноик.

В трубке повисла тяжёлая пауза. Я прямо чувствовала, как крутятся шестерёнки в его голове.

– Если его юристы хоть немного с мозгами, – медленно протянул адвокат, – они прямо сейчас едут туда, чтобы спалить ваши блокноты на костре. Нет бумажек, нет вашего авторства.

Меня прошиб холодный пот. Это же логично, что Тимур будет зачищать хвосты.

– Я еду туда! – я резко вскочила, табуретка с грохотом отлетела к стене. – У меня осталась запасная связка ключей!

– Сидеть! – рявкнул Сададьский так, что я чуть не выронила телефон. – Одна вы туда не сунетесь, это вам не тортиком в лицо кидаться, Громова. Там может быть его охрана. Вы им что, венчиком угрожать будете? Одевайтесь. Буду у вашего подъезда через двадцать минут.

– Кстати, Глеб Викторович, – я вспомнила про его смс, накануне. – Вы писали, что сами поедете и всё решите? Удалось попасть в офис Тимура или куда вы там планировали?

– Что? – переспросил Глеб, и судя по тому, как напрягся его голос, дело пахнет дрянью. – Васи́лиса, какое сообщение? Я Вас вчера весь вечер ждал со своим ужином!

– Глеб, вы прислали мне сообщение, с неизвестного номера.

Сададьский какое-то время молчал, потом сделал глубокий вдох и выдохнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.